

Автор:

Лама Гунтанг Кончок Дронме

Перевод:

Редакция:

Дхарма-центр «Тушита»

Беседа старца с юношей о природе смерти и непостоянства

С почтением перед Буддами склоняюсь,
отринувшими семена сансары,
преодолевшими мучительный характер
рождения, болезни, старости и смерти.
Да вдохновят они нас цепи разорвать
блуждания в мирах сансары.

Однажды старец измождённый
прилёг в пустынном месте у дороги.
Вдруг юноша явился,
и разговор меж ними завязался.

«О, старец, ты сидишь так странно, ходишь,
ты не похож на тех, кого я видел.
Что тяготит тебя так сильно?»
Ему на то ответил старец:

«О, юноша, в гордыне воспаривший,
чьё тело сильно, а кровь горяча,
меня послушай. Много лет назад
тебя я был сильнее даже.

Я в беге лошадь обгонял,
а отправляясь на охоту,
ловил свирепого я северного яка.
И на ногу был легок как птицы в небе.

Лицом же я прекрасен был как Бог.
Носил великолепную одежду
и украшениями не брезгал,
ел я изысканные яства.

Скакал на быстроногих лошадях.
На свете не было искусных состязаний,
в каких бы не одерживал победы,
и удовольствий тех, что я не знал.

Но не имел я ни единой мысли
о смерти иль о старости приходе.
Друзья и родственники шумною толпою
моё вниманье постоянно занимали
и отвлекали от всего иного.

Но муки старости подкрались осторожно
и медленно на плечи навалились.
Сначала я не замечал их.
Когда заметил, было слишком поздно.
Теперь я, в зеркало взглянув,
к себе питаю отвращенье.

Когда тантрическое Посвящение получаешь,
то Посвящения воды омывают тебя с макушки,
лишь затем нисходят через тело.
Смерть так же наступает: макушка побелеет, а затем
все смерти признаки спускаются всё ниже.

Волосы мои белы как раковина моря.
Я не смывал их цвет.
Владыка Смерти плюнул на меня,
его плевков, застывший, покрыл мою главу.

Избороздившие моё лицо морщины
не складки у младенца.
То меты времени рукой
Хранителя Времён нанесены.

Глаза прищуриваю постоянно
я не от дыма - зренье ослабело.
Чтоб видеть, должен я глаза свои прищурить.

Когда я подаюсь вперёд
и руку к уху приставляю,
не жду я, что секрет ты мне прошепчешь.
Все звуки кажутся мне дальними,
и, чтобы их услышать, я напрягаться должен.

Из носа капли, падающие вниз -
лёд юности моей, растаявший
под солнцем старости глубокой.
Не жемчуг ожерелья, что на шее.

Все зубы выпали мои. И новые не вырастут, увы.
Всё съел, что съесть мне полагалось,
и потерялись все ножи.

И слюни у меня текут
не для того, чтоб смачно плюнуть.
Всё нынче мне не по душе,
а слюни сами вытекают.

И шепелява речь моя
не потому, что подражаю
наречью северных земель.
Я болтовне пустой так долго предавался,
что мой язык истёрся, наконец.

А безобразное лицо, что видишь ты,
не маска обезьяны, что ношу я.
Другую маску - юности моей -
мне одолжили на короткий срок.
Теперь её забрали, мне оставив
лишь кости смертной маски.

Я головой качаю постоянно
не потому, что не согласен.
Владыка Смерти так огрел меня дубинкой,
что с той поры качается мой мозг.

Ты видишь, как хожу,
уоставившись в дорогу,
я не иглу ищу, что потерял.
То драгоценность юности моей на землю пала,
и вот хожу, уоставившись в дорогу,
едва способный вспомнить собственное имя.

Встаю я, на четыре точки опираясь,
не потому, что я животным подражаю -
не держат больше собственные ноги,
и должен я руками опираться.

Когда сижу, заваливаюсь набок
не для того, чтобы дурной манерой хвастать.
Сломился стержень счастья моего
и струны юности порвались.
Вот почему не в силах двигаться изящно.

Раскачиваюсь на ходу
не потому, что притворяюсь важным,
а потому, что бремя лет на мне расселось
и не могу, как следует, идти я.

Не потому мои трясутся руки,
что жаден до сокровищ -
смерти взгляд на мне остановился
и ждёт, чтобы из рук моих похитить
сокровище всей жизни.
Вот почему трясусь я в ожиданье.

Я ем так мало не потому, что скуп -
желудок мой стал слаб,
боюсь я помереть, объевшись.

Одежду легкую ношу я
не потому, что собрался на званный вечер -
столь скудны стали силы,
что и одежда в тягость для меня.

Прерывисто дыхание моё
не потому, что я молитвы повторяю
для блага всех живых.
Это лишь признак, что дыханье жизни
растает скоро в небе без следа.

А поведение моё столь необычно
не потому, что щеголяю как артист,
то демон Смерти мною овладел,
и действовать, как я хочу, не в силах.

Я забываю постоянно, что собрался сделать,
не потому, что это всё равно мне,
но потому, что мозг мой изнашивался,
а память, пониманье ослабели.

И нечего смеяться надо мною,
ведь все получают долю старости свою.
Пройдут немногие года и первые
посланцы смерти к тебе заявятся.

Мои слова тебя не впечатлили,
но скоро те же беды и тебе вкусить придётся.
Сегодня люди не живут так долго,
и у тебя уж нет такой надежды,
что проживёшь ты столько, сколько я.

Но даже если лет моих достигнешь,
кто подтвердит, что силы сохранишь
ты тела, речи, мысли, как у сего
несчастливого старца, что их тебе показывал сейчас».

Смущённый юноша воскликнул с отвращением:
«О, несчастный, оставленный людьми,
собаками травимый,
истощено и безобразно твоё тело.
Я б предпочёл скорее умереть, чем жить как ты».

Тут старец улыбнулся:
«Ты хочешь вечно молодым остаться,
не хочешь старым быть.
Ты говоришь, что смерть бы предпочёл сей дряхлости,
но когда время смерти ближе станет,
откроешь ты, что это нелегко -
идти на смерть свободно, добровольно и с верою.

Кто никогда и мухи не обидел,
всегда хранил духовные заветы
и следовал трём верным наставленьям:
ученья, размышленья, созерцанья,
наверно, будет умирать счастливо.

Мой ум ни на момент
не оставлял даров духовных,
хоть тело и состарилось,
но дня я не терял, чтоб
упражняться в основаньях Дхармы.
И не хочу так скоро умереть».

Лишь старец произнёс такое слово,
как отношение юноши сменилось:
«Да, старец, это справедливо.
Всё, что глазами видел я своими,
ушами слышал, точно
подтверждает тобою сказанное слово.
Твои слова меня так сильно взволновали.
Страдания старости действительно огромны.
Ты стар и опытен, скажи правдиво, есть ли метод,
чтобы преодолеть весь этот ужас смерти?»

И снова улыбнулся старец:
«Да, методы такие есть,
и не совсем они трудны.
Умрут все, кто рождён,
до старости немногие дотянут.
Чтоб жить без смерти, надо обладать
бессмертия напитком легендарным.
Его ж достать довольно трудно.
Все величайшие былого опочили:
Будды, бодхисаттвы, святые и цари.
Добродетельные и грешные,
все однажды предстали перед смертью.
Разве отличен ты от них?

Однако, если путь духовный совершаешь,
то в возрасте любом ум в радости пребудет.
И когда смерть придёт, ты как ребенок будешь,
что радостно в отцовский дом вернулся.
Сам Будда не поведал Ученья глубже этого.

Вот сокровеннейший совет тебе скажу,
от сердца, не от уст: в твоих руках твоя судьба,
ты должен следовать призывам сердца глубочайшим».

На это юноша ответил:
«Действительно, ты прав. Но прежде,
чем предаться той практике усерднейшей,
хотел бы я узнать, как быть с моей семьей.
Мой дом, владения, дела закончить надо.
Вернусь, и снова мы с тобой поговорим».

Тут проворчал старик:
«Пустое говоришь ты, я раньше так же думал,
откладывая практику на завтра.
Заботы вырастают, как борода мужчины:
сколько ты ни бреешь, растёт всё пуще.
Проходят годы, а заботы никогда
не кончатся, я знаю.
Откладывать - обманывать себя.
Коли откладывать собрался, забудь
надежду о духовном совершенстве,

тогда напрасен разговор наш.
Вернись в свой дом,
оставь же старика предаться
созерцанию в мире и покое».

Тут юноша воскликнул поражённый:
«Не будь же столь суров, о, старец,
ведь было б безрассудно мне так просто
от всех занятий жизни отказаться!»

На что ответил старец:
«Да, мне ты можешь так сказать,
но Смерти Властелин, что к нам приходит с юга,
смотреть не станет на твои дела.
Поди, поговори-ка с ним!
Когда придёт он за тобой,
не спросит, молод или стар,
высок иль низок, беден иль богат, готов иль нет.
Всех он идти заставит,
оставив позади незавершённый труд.
Нить жизни вдруг порвётся,
как верёвка, что под тяжёлым грузом.

Нет времени для составленья планов,
а умереть без истинного знания -
в беспомощности полной умереть.
И в тот момент иначе будешь думать
о важности забот мирских и дел.

Не будет ли полезней сейчас иначе думать,
пока осталось время для спасенья?
Но редки в этом мире советы мудрые,
а следующих им сочтёшь по пальцам».

При этом юноша преодолел свои сомненья,
простёрся перед старцем, говоря:
«Ни высший Гуру на красивом троне,
ни величайшие учёные иль йоги
не дали мне прекраснее ученья.
О, старец, ты истинный духовный друг,
и я последую совету твоему.
Продолжи речь свою и дай мне наставленья».

Ответил старец:
«Я много лет живу на этом свете
и многое видал.
Нет ничего трудней для пониманья,
чем принципы духовного пути.
Путь, что даёт возможности достигнуть
Освобожденья, бодхисаттвой стать
и Пробужденья полного достичь.

Нелегко идти по пути истины,
 проповеданной Пробуждёнными,
 но ещё труднее делать это в старости.
 Юность - вот время учиться,
 узнать получше эти ученья.
 Годы пройдут, станешь старше,
 легче практикою заняться.

Когда действительно поймёшь
 единую крупицу из учений,
 все действия свои исполнишь блага.
 Нет нужды мудрствовать лукаво,
 когда развил духовный опыт,
 деянья тела, речи, мысли
 духовную получают глубину.

Духовному Наставнику вверяться -
 вот корень практики,
 и как зеницу ока плоды её хранить.

К делам мирским оборотись спиною,
 ученьем, размышленьем, созерцаньем займись
 по всем ученьям сущности благой
 от Будды до Цзонхавы, воплощенья его в Тибете.

Трудясь на сём пути,
 установи основой собиранье
 всех добрых дел и метод
 очищенья ума от зла следов -
 Освобожденье упадёт в твои ладони.
 Тогда, мой сын, познаешь радость
 и устремления свои осуществишь».

Так продолжался этот разговор,
 и двое, став духовными друзьями,
 в леса совместно удалились,
 свободны от восьми мирских соблазнов
 и медитации всецело предаваясь.

Так завершается история о старце
 и юноше, что встретились однажды
 в лесу, и разговора, что меж ними состоялся.
 Я записал её, чтоб вдохновить
 себя и всех усердными быть в Дхарме.

Кончок Тенпай Дронме, я, автор,
 не слишком сведущ в жизни,
 но считаю, что для спасения грядущих поколений
 сей разговор так должен быть записан,
 чтоб благодетельные мысли зародились
 в сердцах людей.